

DOI 10.35775/PSI.2025.68.3.018

УДК 32.327

Т.М. ИСЛАМОВ

соискатель кафедры ПАМП

МГИМО МИД России, Россия, г. Москва

E-mail: islamov.temur@gmail.com

ORCID 0009-0005-9135-8239

Р.Б. МАХМУДОВ

доцент Университета мировой экономики и дипломатии,

Ведущий научный сотрудник Института

перспективных международных исследований,

Республика Узбекистан, г. Ташкент

E-mail: rustammakhmudov73@gmail.com

ORCID 0000-0002-1030-2200

АМЕРИКАНСКИЙ ПРОЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В АФГАНИСТАНЕ: ПРИЧИНЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕУДАЧИ

В статье рассматриваются причины, приведшие к провалу американской стратегии государственного строительства в Афганистане в период 2001-2021 гг. Акцент делается на рассмотрении процесса госстроительства в его динамике перехода от первоначального оптимизма к осознания попадания в стратегический тупик, появившемуся в 2007 году, а также на классификации причин, отмечаемых американскими, российскими и региональными экспертами, которые породили сложности с реализацией планов Вашингтона по построению «витрины демократии» на стыке Центральной и Южной Азии, и Ближнего Востока. Среди них особое внимание уделено таким причинам как неэффективная политика конструирования легитимности афганской власти, «размытость» концепта государственного строительства, разрыв между теоретическим представлением об Афганистане и реальностью в сочетании с причинами бюрократического характера, применение «инженерного подхода» и недооценка культурных особенностей Афганистана.

Ключевые слова: Афганистан, США, государственное строительство, Талибан, демократия, легитимность, институты, коррупция, наркотики, Пакистан, этно-племенная мозаика.

Введение. Афганистан в новейшей истории представляет собой пример неудачной попытки США осуществить экспорт модели государственного строительства в отличную от западной культурную, историческую, политическую и социальную среду. Уже на стадии первичного обсуждения выбора дальнейшей стратегии действий в отношении Афганистана сразу после разгрома Талибан в 2001 году мнения американских политиков и экспертов разделились. Несмотря

на то, что в итоге возобладала точка зрения сторонников программы афганского государственного строительства, дискуссии не прекращались в течение всего срока пребывания западных военных контингентов в этой стране. После ухода американцев дискуссии перешли в фазу обсуждения причин, приведших затратные усилия Вашингтона к провалу, индикаторами которого стали вывод западных военных контингентов, быстрое падение правительства Ашрафа Гани и возвращение к власти движения «Талибан» в августе 2021 года.

Демократизация как идеологический аргумент США в афганском госстроительстве. Военная операция США и их союзников по НАТО при поддержке сил Северного альянса, начавшаяся 7 октября 2001 года в ответ на теракты 9/11 в Нью-Йорке и Вашингтоне, привела к довольно быстрому разгрому талибского Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА). После достижения военных целей, Вашингтон и его западные союзники приступили к проекту национального строительства и государственного строительства нового Афганистана, который стал одним из ключевых источников роста конфликтогенного потенциала в этой стране.

Старт переходу от антитеррористической операции к проекту национального строительства дала речь президента Дж. Буша-младшего в «Военном институте Вирджинии» в апреле 2002 года, в которой он связал достижение истинного мира в Афганистане со стабильным правительством, создать которое помогут американцы [22].

Позже в своих мемуарах Дж. Буш, оправдывая трансформацию изначальных целей политики США, писал, что конечной стратегической целью миссии США в Афганистане, освободившегося от «примитивной диктатуры», было национальное строительство, создание свободного общества, поскольку «демократический Афганистан был бы многообещающей альтернативой видению экстремистов» [20].

Впрочем, не весь американский истеблишмент поддержал идею национального строительства в Афганистане. К примеру, Джо Байден, вспоминая об изменении целей афганской кампании в своем интервью с Джорджем Стефанопулосом для ABC News, отметил, что США пошли в Афганистан для уничтожения Усамы бен Ладена и «Аль-Каиды», и эти задачи были успешно решены. Однако, вместо того чтобы оставить в стране и регионе небольшой контингент, и иметь возможность противостоять возрождению «Аль-Каиды», Белый дом решил на национальное строительство, которое, как признался Дж. Байден, никогда не имело для него никакого смысла [16].

В конечном итоге все же возобладала точка зрения Дж. Буша и сторонников национального строительства в Афганистане. В своих усилиях по национальному строительству американцы стали опираться на прозападного политика Хамида Карзая, сначала исполнявшего обязанности Председателя временной администрации (22 декабря 2001 г. – 13 июля 2002 г.) и Главы Переходной администрации Афганистана (13 июля 2002 г. – 7 декабря 2002 г.), а затем и президента Исламской Республики Афганистан (2004-2014 гг.).

Вашингтон и его союзники взяли на себя финансирование процесса создания государственного аппарата и силовых структур, поддержку бюджетных расходов и других программ помощи. При этом ставка была сделана преимущественно на афганских эмигрантов, долго живших за рубежом, со слабым осознанием современных реалий в стране. Кроме того, американцы взяли на себя обязанности по поддержанию безопасности в стране, открыв шесть крупных баз в ключевых регионах – авиабаза Баграм (провинция Парван), авиабаза Шинданд (провинция Герат), военная база в международном аэропорту Кандагара (провинция Кандагар), База морской пехоты Кэмп Дуайер (долина реки Гильменд), Кэмп Лезернек Марин (провинция Гильменд), База корпуса морской пехоты Деларам (провинция Нимруз) [25].

Было вполне ожидаемо, что экспертное и академическое сообщество США, которое во многом поставляет идеи для разрабатывающих и принимающих решения американских структур и политиков, также разделилось по вопросу необходимости запуска проекта государственного и национального строительства в Афганистане со стороны Вашингтона.

Эксперты и аналитики, выступавшие за изменение первоначальных целей военной миссии США в Афганистане в сторону государственного строительства, считали, что устойчивые инвестиции в это направление являются ключевыми для подавления активности Талибана, Аль-Каиды и других террористических группировок в стране [27. Р. 3].

В свою очередь их интеллектуальные оппоненты полагали, что у США не должно быть стратегического интереса к государственному строительству в Афганистане, и их основной целью должно оставаться борьба против террористов, которые представляли прямую угрозу безопасности Соединенных Штатов. Представители данной группы расходились в вопросе о степени необходимой поддержки афганского правительства, но были едины во мнении, что США не должны были пытаться навязать постталибскому правительству либеральные демократические ценности, и что им не следовало уделять много внимания природе афганского государства. При этом большинство экспертов из этой группы не считало, что Афганистан не имел потенциала стать либеральной демократией. Теоретически, он мог ей стать, но только без попыток США навязать Афганистану демократическое правительство [27].

Характерно, что большинство региональных экспертов и политиков изначально придерживались такого же мнения, но западный истеблишмент стал серьезно прислушиваться к ним лишь после осознания реальных лимитов «государствостроительства» в ИРА. Российские и центральноазиатские исследователи отмечали, что недостаток экспертизы и резерва «доброй воли» помешал США понять, что «демократизация» Афганистана неизбежно означала бы его модернизацию. Это требовало бы значительных и долгосрочных вложений, сравнимых с «Планом Маршалла» [11. С. 51-52, 68-69]. Кроме того, модернизация означала бы глубокую трансформацию традиционного афганского общества с его сильной этно-племенной структурой, что не удавалось ни одному из предыдущих

реформаторов, даже при поддержке внешних сил, таких как СССР в случае с Бабраком Кармалем и Мохаммедом Наджибуллой.

Переход от идеализма в госстроительстве к осознанию практической сложности его реализации. К 2007–2009 годам уже стало очевидным, что несмотря на значительные финансовые расходы и прямую военную помощь, государственное строительство в Афганистане превращается все более проблемный процесс, который ведет не столько к полной стабилизации и восстановлению страны, сколько к накоплению все большего конфликтогенного потенциала и возрождению Талибан. По большому счету в Белом доме не понимали, что делать дальше.

Хорошо описывает ситуацию на тот момент вышедший в августе 2021 года отчет Генерального инспектора правительства США по вопросам реконструкции в Афганистане Джон Сопко «What we need to learn: lessons from twenty years of Afghanistan reconstruction», в котором приводятся воспоминания Дугласа Люта, помощника президента США, заместитель советника по национальной безопасности, ответственный за политику в Ираке и Афганистане, и вице-президента Джо Байдена.

Дуглас Лют, реагируя на выделение Афганистану 10 млрд. долларов в рамках стратегии США в этой стране на 2007–2013 гг., заявил, что США были лишены фундаментального понимания Афганистана. «Мы не знали, что делаем... Мы собираемся что-то сделать в Афганистане с 10 миллиардами долларов? Гаити – маленькая страна, расположенная у нас на заднем дворе, где нет экстремистских повстанцев, и мы не можем ее развивать. И мы рассчитываем на развитие Афганистана на 10 миллиардов долларов?... Что мы пытаемся здесь сделать? У нас не было ни малейшего представления о том, что мы предпринимаем.... Это действительно намного хуже, чем вы думаете. [Существовал] фундаментальный разрыв в понимании на переднем крае, завышенные цели, чрезмерная зависимость от военных и непонимание необходимых ресурсов», – отметил он [26]. Вице-президент Джо Байден, вернувшись после поездки в Афганистан в 2009 году, сказал президенту Обаме: «Если вы спросите 10 наших людей, чего мы здесь пытаемся достичь, вы получите 10 разных ответов. Это происходило на автопилоте». В отчете Джона Сопко констатируется факт хронического несоответствия целей, путей и средств американской политики в Афганистане [26].

Именно в этот период впервые начинается серьезное осмысление причин допущенных американцами ошибок, которое продолжается до настоящего времени. В первую очередь, стало наступать не просто теоретическое, а практическое осознание того, что Афганистан представляет собой крайне сложно этнокультурное и религиозное поле, которое с трудом подвергается трансформации в силу наличия прочной социальной и ценностной структуры, сформировавшейся в течение длительного исторического периода времени и как результат мирного и военного характера взаимоотношений между этническими и племенными группами.

Сложная этно-племенная мозаика и религиозная динамика занимали ключевую роль при определении форм государственного управления, начиная с Боннской конференции в декабре 2001 года, которая учла эти аспекты

при учреждении Временной администрации, а в дальнейшем и правительства Афганистана. Однако, если западные «патроны» боннского процесса делали ставку на пропорциональную представительность власти (пуштуны во главе и остальные крупные этносы соответственно), российские и центральноазиатские эксперты уже тогда видели опасность подобного механического подхода по «соединению» пуштунов, таджиков, узбеков, хазарейцев и других в нечто единое, хотя на деле и в силу устоявшихся причин каждый из них всегда будет защищать интересы собственной группы.

Этнополитический фактор также был предметом полемики по поводу формы государственного устройства Афганистана. Иранские эксперты подчеркивали линию разлада между пуштунами, которые выступали за президентскую систему, и другими, тяготевшими к парламентскому правлению (пусть даже при конституционной монархии) [2. С. 9].

Кроме того, как внутри страны, так и среди соседних государств с самого начала американских действий звучали опасения относительно попыток чрезмерной централизации власти в ИРА. Например, президент Узбекистана И. Каримов еще в 2002 году обращался с Генсеку ООН Кофи Анану с призывом рассмотреть создание в Афганистане федерального правительства [7]. Однако известно, что для пуштунских элит (как прозападных, так и движения «Талибан») идея федерализации всегда вызывала жесткое неприятие. Со слов афганского журналиста Разака Момуна, «признать федерализм для пуштунского правителя это все равно что признать Линию Дюранда» [10. С. 26].

Американские стратеги «государственного строительства» также явно недооценили исторический опыт негативного восприятия неправовых иностранных «советников и благодетелей». Невзирая на все усилия по пропорциональному представительству центральных органов в Кабуле, иностранный контингент и новые военные подразделения ИРА на местах не смогли вписаться в традиционный уклад. Более того, в южных и восточных провинциях они почти сразу самоизолировались на базах и охраняемых зонах ввиду рисков нападений.

Прямое вмешательство в экономические отношения (особенно в выращивание и торговлю опиумным маком, но также и другие сферы) послужило еще более благодатной почвой для успешной пропаганды Талибан в свете «священного джихада против иноверцев-захватчиков и их приспешников». Ряд американских исследователей с «полевым опытом» признают, что исторически укоренившиеся в афганском самосознании идеи сопротивления иностранным империям и защиты Ислама вновь возымели над межплеменными, а в последствии частично и межэтническими, противоречиями [19. Р. 19].

Конечно, нельзя утверждать о полной межэтнической и даже межплеменной консолидации под знаменем джихада, хотя Талибан второго этапа своего существования (после 2001 г.) несколько трансформировался за счет вливания в движение непуштунских элементов. Более того, делегирование Кабулом полномочий своим ставленникам на местах (зачастую на основе родственных и родоплеменных связей и лояльности) привело к углублению антагонизма между различными кланами и племенами пуштунов [19].

Технические ошибки при реализации программы госстроительства в Афганистане. Параллельно в центре внимания находились вопросы, связанные с попытками экспертов, аналитиков и востоковедов из США, России, стран ЦА и Южной Азии понять сложности с техническим воплощением теоретических представлений о государственном строительстве в Афганистане, с которыми столкнулись американцы. Условно, можно выделить следующие группы мнений:

1. Неэффективная политика конструирования легитимности афганской власти. Многие американские эксперты полагали, что в самой идее конструирования государства в Афганистане по универсальным западным лекалам не было ничего невероятного. В силу этого они отвергали представления о том, что ценности афганского общества несовместимы с западной демократией. По их мнению, неудача американских усилий была обусловлена тем, что Вашингтон из-за допущенных ошибок создал ситуацию с недостаточной легитимностью афганского правительства Хамида Карзая в глазах афганцев.

Некоторые американские исследователи считали, что корни недостаточной легитимности лежат в Конституции Афганистана 2004 года, которая создала неэффективную систему управления страной, ограничившую возможность участия афганских граждан в управлении и осуществление надзора над своим правительством. Действия международной коалиции, сосредоточенные на консолидации власти, противоречили демократическим принципам и борьбе с повстанцами. Вместо реформирования неэффективных государственных институтов создавались параллельные структуры, что еще больше дискредитировало афганские власти.

Побочным эффектом разбалансированности системы управления стало неэффективное использование огромных средств, поступавших от международных доноров. Именно в проблеме легитимности, а не в поддержке со стороны Пакистана, некоторые американские эксперты видели успехи талибов, и если бы народ не считал афганское государство нелегитимным, у талибов не было бы никаких шансов в их борьбе против афганского правительства и США [21. P. 40-54].

Проблема легитимности афганского правительства (и администрации Х. Карзая в частности) занимает видное место в исследованиях региональных экспертов и позициях местных политиков, которые в целом поддерживали построение новой демократии в Афганистане.

По мнению некоторых из них, дилемма легитимности новой властной системы в Афганистане обозначилась сразу после того, как Лоя Джирга не поддержала первоначальный проект конституции с полупрезидентским строем (президент-пуштун, а назначаемый парламентом премьер-министр не пуштун). В то же время, легитимность власти в традиционном понимании афганских масс всегда воспринималась в контексте институтов местного уровня (малик, арбаб, шура, джирга и т.д.), а также законов шариата и племенных кодексов (Пуштунвали). Но в итоге политических преобразований после 2001 года создалась парадоксальная ситуация, когда де-факто одна из наиболее децентрализованных

стран мира вдруг становится де-юре одной из наиболее централизованной конституционной системой [4. С. 123].

В данном русле можно проследить также оценки ведущих центральноазиатских исследователей Афганистана, которые указывали на наличие де-факто параллельных правительств и даже квазигосударств в различных частях страны. При этом, часть региональных экспертов поддерживала принцип централизованного государства как единственный путь борьбы с произволом и безвластием на местах, однако подчеркивало неспособность администрации Х. Карзая справиться с поставленными задачами [4]. А неспособность осуществлять роль распределителя благ и общественного жандарма, вкупе с системной коррупцией, автоматически ставит под сомнение легитимность такой власти.

В понимании же афганских политиков, активно участвовавших в американском проекте госстроительства, но бывших в оппозиции к Х. Карзаю, вопрос легитимности в основном поднимался в контексте выборных процессов [1]. При этом, сопровождавшие процесс формирования властных структур Афганистана постоянные разногласия и жесткая борьба кланов привели к еще большей дискредитации этой системы и расширения «вакуума власти» в стране.

Последнее отразилось не только на настроениях среди афганского населения, но и на позиции соседних государств. Как представляется, выдвинутая в ходе Бухарестского саммита НАТО в 2008 году инициатива Узбекистан о контактной группе по Афганистану в формате 6+3 (страны-соседи, а также Россия и НАТО – те есть без правительства в Кабуле) была в сущности вызвана фактическим признанием указанного «вакуума власти», хотя публично такая оценка не звучала. Характерно, что США и союзники понимали практическую востребованность такого механизма координации, но не могли пойти на ее полноценную реализацию и тем самым признать провал усилий по созданию функционального правительства ИРА [6].

2. Причина неудачи лежит в «размытости» концепта государственного строительства. Если на первоначальном этапе вхождения американцев в Афганистан цель их миссии была четко определена как разгром «Аль-Каиды» и Талибан, то затем она по мере перехода к проекту демократического и либерального государственного строительства она стала менее четкой, столкнувшись с проблемой расхождения в понимании правил игры и форм установления политического порядка различными влиятельными игроками афганского поля.

Некоторые американские исследователи считали, что, с одной стороны, США, их союзники и представители прозападной афганской элиты видели установление политического порядка на принципах демократии, транспарентности и четком разделении полномочий между ветвями власти. Однако, с другой, влиятельные региональные лидеры и полевые командиры были против такого типа государственной системы, поскольку она поставила бы под угрозу их привилегии, право на насилие, влияние на правительство и источники доходов. Что характерно, некоторые из них вошли в систему государственного управления – Атта Мухаммад Нур, Абдул Рашид Дустум, Исмаил-Хан. Против либерального проекта

государственного строительства выступали и талибы, имевшие свой проект, основанный на ультраконсервативной версии Ислама [18].

Ряд региональных, в частности иранских, экспертов полагали изначально проблематичными попытки насаждения западной модели президентского правления (хотя и на основе совмещения с исламским правом и ценностями) в условиях «несостоявшегося государства». Подчеркиваются сохраняющиеся в Афганистане признаки военно-феодалного и племенного строя, с неуправляемыми территориями и иными факторами, которые не позволяли властям ИРА играть существенную роль в разрешении социально-экономических вопросов, борьбы с преступностью и нарушением прав человека [5. С. 42-43].

3. Причиной неудачи был разрыв между теоретическим представлением об Афганистане и реальностью в сочетании с причинами бюрократического характера. Ряд американских экспертов видели причину неудачи проекта США по государственному строительству в Афганистане в упрощенном понимании процесса трансформации бедных государств в богатые и некритическое использование успешного опыта американского государственного строительства в Европе и Азии после Второй мировой войны, а также в недостаточной компетенции американского бюрократического аппарата реализовать на афганском культурно-политическом поле задачу такой сложности.

Сторонник данной точки зрения считали, что американская академическая среда в течение десятилетий руководствовалась упрощенными и наивными представлением об универсальности западных теорий модернизации и «Вашингтонского консенсуса» [20]. Также, по их мнению, применение в Афганистане успешного опыта преобразования Германии и Японии после Второй мировой войны было невозможно из-за принципиальных отличий культурно-исторической среды Афганистана по трем причинам:

1) Германия и Япония уже имели мощные, эффективные государственные структуры, а Афганистан не имел сопоставимой базы;

2) по причине исторически сложившейся эффективной государственности, Германия и Япония были культурно однородны с сильной национальной идентичностью. В отличие от них, афганская идентичность – плюралистична, а значительная социальная фрагментация осложнила внешние попытки построить легитимное централизованное государство;

3) Германия и Япония были побежденными странами. В отличие от них, США только отстранили талибов от власти, но не победили их [18].

Что касается неготовности бюрократического аппарата США к решению сложнейшего вопроса государственного строительства в Афганистане, то причина этого заключается в самой природе бюрократии, которая зачастую неспособна к решению задач, требующих больших временных сроков, терпения и масштабных усилий [20]. Внедрение принципов либерализации и демократизации, на которое западным государствам понадобилось много времени, невозможно было осуществить в Афганистане за исторически короткий период времени [18].

В российских и центральноазиатских экспертных кругах многие эксперты придерживались мнения, что Вашингтон в своей афганской политике после 11 сентября 2001 года изначально руководствовался не столько оценками академических кругов и даже не дипломатов, а сколько сделал ставку на военных стратегов. В результате, главенствующую роль в определении приоритетов в ИРА играли Пентагон и ЦРУ, тогда как Госдеп и «мозговые центры» были оттеснены на вспомогательные роли. В результате, на судьбоносные погрешности в экспертизе ситуации в Афганистане сказались межведомственный дисбаланс и даже личная неприязнь между некоторыми лицами внутри администрации Дж. Буша [11]. Кроме того, отмечалась явная переоценка достаточности информационных ресурсов и оперативных сводок, в ущерб серьезной экспертизе, что привело к постановке недостижимых целей [11].

4. Источником неудачи стало применение «инженерного подхода». Экспертной критике подвергся также применявшийся Вашингтоном в Афганистане «инженерный подход» или «нисходящая стратегия государственного строительства», основные параметры и логика разворачивания которой на практике заключались в следующем:

- если вы можете установить подавляющее военное господство над территорией и подчинить себе все другие источники власти, вы сможете навязывать свою волю;

- государственное строительство в Афганистане представляет собой «инженерную проблему»;

- исходя из инженерного понимания, единственным способом создать стабильную страну с некоторым подобием закона и порядка является создание надежных государственных институтов;

- для их создания необходимо влить ресурсы и передать иностранный опыт афганцам;

- необходимо привлечение НПО и более широкого западного комплекса по оказанию иностранной помощи местным жителям (хотят они этого или нет);

- привлечение сил НАТО и частных подрядчиков необходимо для поддержания стабильности, так как государственное строительство требует определенной стабильности в стране [14].

Показательно, что сам Дж. Буш понимал национальное строительство в Афганистане именно с институциональной точки зрения, когда говорил о том, что «демократия – это путь, который требует от страны создания институтов управления, таких как суды, силы безопасности, система образования, свободная пресса и активное гражданское общество» [20].

Одним из условий успешной реализации «нисходящая стратегия государственного строительства» внешней силой эксперты видят поддержку населения и его сотрудничество с центральными властями, при этом, государство не должно навязываться обществу против его воли. В противном случае стратегию ждет провал.

Поскольку США в Афганистане были внешней силой, то им необходимо было с самого начала более тесно сотрудничать с различными местными группами. Это объяснялось тем, что афганское население воспринимало действия американцев как иностранную операцию, направленную на ослабление их общества. Также это объяснялось особенностями афганского общества с его высоким уровнем независимости, культурой оружия, традициями кровной мести, что повышало вероятность того, что ответом на иностранное присутствие будет «насильственный конфликт».

Однако, американцы, движимые логикой «нисходящей стратегии», вместо работы с местными группами, постоянно вливали ресурсы в коррумпированную центральную власть, что стало приводить к накоплению и обострению проблем как между Кабулом и афганским обществом, так и между США и простыми афганцами. Ряд американских исследователей проводили параллели с войной во Вьетнаме, где США также применяли «нисходящую стратегию государственного строительства», приведшие в итоге к росту насилия и конфликту со всем вьетнамским обществом [14].

Американские эксперты подчеркивали еще один момент, который содержал в себе инженерный подход США в отношении Афганистана. Он заключался в том, что Вашингтон не просто пытался реализовывать проект государственного строительства, а ставил перед собой цель сконструировать Афганистан как своего «лояльного клиента» через его вестернизацию. В этом состоял еще один просчет американских стратегов, так как вестернизация с ее либеральной демократией, феминизмом и правами ЛГБТ, капитализмом и рыночной культурой вошла в противостояние с традиционной культурой и мировоззрением подавляющего большинства простых афганцев, которые политически и культурно были ближе к талибам. Поэтому было сложно ожидать, что афганское правительство, поддерживаемое США с их западной ценностной парадигмой, и лояльное американцам, будет иметь прочную легитимность в глазах простых афганцев [19]. В этой связи попытки США как-то выйти из этой дилеммы посредством наращивания силового давления на движение «Талибан» были изначально бесперспективны.

Недооценка культурных особенностей Афганистана и фактора Пакистана. Американцы при реализации инженерного подхода в государственном строительстве в Афганистане также столкнулись культурологической проблемой, которую породил сам объект американской помощи – афганское правительство. Некоторые исследователи считают, что зарождение коррупционной системы в Афганистане, в которой обвиняли Хамида Карзая, было обусловлено культурными и ценностными отличиями афганской политической культуры от западной. Президент Карзай в условиях традиционной раздробленности афганского политического поля просто не мог заручиться поддержкой влиятельных внутренних сил, не перенаправляя им западную финансовую помощь [17].

Ряд российских исследователей указывают также на доминировавшие с 1990-х годов в американской и частично европейской политической риторике и стратегии идеи «либеральной интервенции» и внешнеполитические подходы, основанные на своеобразной «арифметической демократии». Последнее

обосновывалось идеалистическим (но не научным) постулатом о том, что «две и более демократий не будут воевать друг с другом» и привел несколько неадекватному восприятию международных реалий [13. С. 35]. В контексте ошибок США в Афганистане приводится даже параллель с решением руководства СССР по вводу войск в эту страну в 1980 году несмотря на предостережения видных советских академиков [11].

Свою роль, возможно, сыграли и личные религиозные воззрения Дж. Буша и упрощенное понимание мирополитики среди его неоконсервативного окружения. Афганистан стал для них одной из ряда стран, которые должны были влиться в «волну демократий» и соответственно неизбежного расширения «Рах Америгана». Неслучайно, что активное обсуждение и видимо продвижение американского плана «Большого Ближнего Востока» началось сразу после начала операции «Несокрушимая свобода», одна Афганистану в этом плане отводилась периферийная роль, поскольку выживание режима в Кабуле в первые годы преподносилось как уже свершившаяся победа демократии.

Второстепенность ИРА в амбициозной макрорегиональной стратегии Вашингтона подтвердилась уже летом 2003 года, когда командование контингентом в Афганистане было передано НАТО, а все внимание в масштабном проекте инженерной демократизации переключилось на Ирак [11]. Причем, как отмечают некоторые турецкие и ближневосточные исследователи, несмотря на очевидные провалы, план «Большой Ближний Восток» продолжает трансформироваться, как по содержанию, так и географии. Последнее отразилось в сужении географии, с акцентом на Иран и очевидным выпадением из плана Афганистана и Центральной Азии [3].

Некоторые эксперты полагали, что причина неудачи американцев заключалась в упрощенном подходе в понимании феномена Афганистана, который структурно представляет собой очень сложное пространство, при работе с которым нужно учитывать весь комплекс его особенностей.

Структурный подход должен был учитывать наряду со сложной этнолингвистической структурой, затрудняющей создание эффективной системы управления, также особенности географического положения страны, которая не имеет выхода к морю.

Кроме того, необходимо было учитывать экономические особенности Афганистана. В частности, страна не имела сравнительных преимуществ в какой-либо законной торговле, что стимулировало развитие незаконных источников дохода, таких как производство и продажа наркотиков, незаконная добыча полезных ископаемых, вырубка и продажа леса. На отсутствие законной добычи полезных ископаемых влияла и сложная ситуация с обеспечением безопасности. На это наслаивался фактор отсутствия заинтересованности государственных лиц и экономических субъектов в создании легитимного государства и распространении его власти на все экономические сферы поскольку они извлекают выгоду из незаконной деятельности.

Из культурологических особенностей нужно было учитывать терпимость афганского общества к коррупции, которая подрывала усилия по национальному строительству. Также важно было принимать во внимание высокую роль Пакистана и Ирана во внутривосточных процессах в Афганистане, которые выступали главными покровителями талибов. На пакистанской территории, талибы получили безопасные убежища в зоне расселения пуштунских племен [23].

Среди центральноазиатских исследователей также были сторонники более сложного комплексного подхода к объяснению причин. В частности, некоторые из узбекских исследователей считают, что в основе проблем США в Афганистане лежали два ключевых просчета. Во-первых, со стороны американцев, не были приняты необходимые меры по предотвращению создания талибских баз в пуштунских районах, приграничных с Афганистаном. Это позволило движению «Талибан» взять стратегическую паузу и восстановить усилия при борьбе с международной коалицией [8. С. 72].

Во-вторых, Вашингтон принял ошибочную модель реагирования на разворачивание индустрии производства наркотиков в Афганистане. По всей видимости, это объяснялось тем, что «в условиях отсутствия полноценной экономики в стране, выращивание наркотиков должно было дать хоть какой-то доход значительной части населения Афганистана, тем самым предотвратив его переход на сторону Талибан, который предлагал довольно солидные по афганским меркам деньги за услуги боевикам» [9].

Появление мощной индустрии производства наркотиков, запустило три связанных между собой масштабных процесса, которые стали сложнейшим вызовом для США и Кабула. В первую очередь, появилась развитая теневая криминальная экономика, которая по состоянию на 2010 года достигла 23% ВВП Афганистана, или в 2,4 млрд. долларов [9].

Во-вторых, теневая экономика стала одной из причин крупномасштабной коррупции. Согласно «Integrity Watch Afghanistan», в 2006 году общий размер взяток, которые давали афганцы оценивался в 500 млн. долларов, к 2009 году это цифра оценивалась в 1 млрд. долларов [12]. По подсчетам Управления ООН по контролю за наркотиками и предупреждению преступности (UNODC), в 2010 году афганцы дали чиновникам взяток на 2,5 млрд. долларов [15]. «Transparency International» поставило Афганистан на предпоследнее 179-е место по уровню восприятия населением коррупции в 2010 году [24].

Третьим следствием развития индустрии производства наркотиков стало появление у талибов постоянных источников дохода от продажи опиатов и взимания налога с крестьян, выращивающих опиумный мак. Их доходы оценивались в 300-470 млн. долларов. Эти деньги направлялись на поддержку боевиков и их военно-техническое оснащение.

Суммируя все эти причины и следствия, региональные эксперты уже в 2011 году указывали на то, что США и Кабул попали в своего рода «замкнутый круг», выбраться из которого они так и не смогли [9].

Заключение. Подводя итог вышесказанному, представляется необходимым отметить, что оценка неудачи американского проекта по государственному строительству в Афганистане укладывается в рамки более обширной и фундаментальной дискуссии «универсальные модели versus локальные модели», которая началась еще на заре эпохи западного колониализма и модерна. Очевидно, что решившись на запуск масштабного и крайне затратного проекта государственного строительства в Афганистане Белый дом руководствовался представлениями об универсальности своих представлений о государственном строительстве, основывающихся на таких константах как либеральная демократия, капитализм, фундаментальные либеральные права и свободы, индивидуум и гражданское общество, гендерное равенство и гендерный плюрализм. При этом универсализм американского представления укладывается в модель эволюции, наподобие моделей Огюста Конта или Фрэнсиса Фукуямы, согласно которым именно западная цивилизация с ее рационализмом, наукой и либерализмом есть вершина исторического развития человечества.

На фоне этой эволюционной модели освобожденный от талибов Афганистан, безусловно, должен был выглядеть как «несовершенная» форма, которая должна быть подтянута до идеальной западной формы государственности благодаря внедрению западных институтов и норм. Однако, недостатком подобного универсалистского подхода является то, что он упрощенно смотрит на другую культурную реальность, недооценивая и зачастую даже игнорируя ее сложность.

В полной мере это проявилось в Афганистане, который представляет собой крайне сложный культурный, исторический, этнический и ценностный феномен, существующий в режиме перманентной явной или латентной нестабильности. При этом афганское поле – крайне специфическая среда, агрессивно отторгающая любое установление внешнего контроля над ней. Как показывает уход американцев из Афганистана, им не удалось решить афганскую дилемму, опираясь на западные рецепты строительства государства, что стало интеллектуальным ударом по представлениям об универсализме западных моделей и одновременно подтвердило правоту тех экспертов, которые придерживаются мнения об уникальности и сложности каждой отдельной этнокультурной среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Абдулла Абдулла ставит под вопрос легитимность президентства Карзая // <https://www.golosameriki.com/a/abdulla-abdulla-challenges-2009-11-04-69071872/662744.html>.
2. **Абдуллоев Р.** Этнополитические процессы в Афганистане после 2001 года // Центральная Азия и Кавказ. 2013. № 16/1.
3. Американский план «Большой Ближний Восток» или российский проект «Большая Евразия»? // https://dzen.ru/a/ХаHORJe11ACTb_1K?utm_referer.
4. **Бобокулов Б.** Государственное строительство Афганистана – децентрализация v централизация // Центральная Азия и Кавказ. 2015. № 18/2.

5. **Дархор М., Кафи С. и Садати С.** Стратегия Соединённых Штатов и национальная безопасность Афганистана // Центральная Азия и Кавказ. 2013. № 16/3.
6. Инициатива Узбекистана по афганскому урегулированию воплощается в реальность – посол США // <https://www.uzdaily.uz/ru/post/579>.
7. И. Каримов высказался за федеративное устройство Афганистана и попросил еще денег для Карзая // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1040036520>.
8. **Махмудов Р.** Афганский кризис на фоне «проблемы 2011 года»: Перспективы развития ситуации // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 13/2.
9. **Махмудов Р.** Стабилизация в Афганистане. Неочевидные перспективы // <https://inosmi.ru/20110820/173554064.html>.
10. **Назаров Р.Р.** Конфликт в Афганистане с позиций этнополитики // Русская политология. 2021. № 3.
11. **Сушенцов А.А.** Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов; Отв. ред. Богатуров А.Д. М.: МГИМО-Университет, 2015.
12. Уровень коррупции в Афганистане вырос вдвое за 3 года – данные опроса // <https://ria.ru/20100708/25307775.html>.
13. **Хрусталеv М.А.** Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008.
14. **Agemoglu D.** Why Nation-Building Failed in Afghanistan // <https://www.project-syndicate.org/commentary/afghanistan-top-down-state-building-failed-again-by-daron-acemoglu-2021-08>.
15. Corruption in Afghanistan. Bribery as reported by the victims. United Nation Office for Drugs and Crime. 2010 // <https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Afghanistan/Afghanistan-corruption-survey2010-Eng.pdf>.
16. Full transcript of ABC News' George Stephanopoulos' interview with President Joe Biden // <https://www.goodmorningamerica.com/news/story/full-transcript-abc-news-george-stephanopoulos-interview-president-79535643>.
17. **Lake D.** Why statebuilding didn't work in Afghanistan // <https://politicalviolenceatagance.org/2021/08/17/why-statebuilding-didnt-work-in-afghanistan/>.
18. **Lee M.** How to build a state // <https://mwi.usma.edu/how-not-to-build-a-state/>.
19. **Melkasian C.** The American War in Afghanistan: A History. Oxford University Press; 1st edition, 2021.
20. **Miller P.D.** Bush on Nation Building and Afghanistan // <https://foreignpolicy.com/2010/11/17/bush-on-nation-building-and-afghanistan/>.
21. **Murtazashvili J.B.** The Collapse of Afghanistan // Journal of Democracy. Vol. 33, Issue 1, 2022.
22. President Outlines War Effort. Remarks by the President to the George C. Marshall ROTC Award Seminar on National Security // <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/04/20020417-1.html>.
23. **Price G.** Why Afghan nation-building was always destined to fail // <https://www.chathamhouse.org/2021/09/why-afghan-nation-building-was-always-destined-fail>.

24. The 2010 Corruption Perceptions Index Measures The Perceived Levels Of Public Sector Corruption In 178 Countries Around The World. Transparency International // <https://www.transparency.org/en/cpi/2010>.
25. US Military Bases in Afghanistan // <https://militarybases.com/overseas/afghanistan/>.
26. What we need to learn: lessons from twenty years of Afghanistan reconstruction // <https://www.sigar.mil/pdf/lessonslearned/SIGAR-21-46-LL.pdf>.
27. **Witter J.S.** «What Went Wrong: Why the US's State-building Efforts Failed in the War in Afghanistan» // Political Science Honors Projects, Paper 56, 2016.

T.M. ISLAMOV

PhD Candidate of the Department
of Applied International Analysis, MGIMO-University,
Moscow, Russia
ORCID 0009-0005-9135-8239

R.B. MAKHMUDOV

Associate Professor of the University
of World Economy and Diplomacy, Leading Researcher
of the Institute of Advanced International Studies,
Tashkent, Republic of Uzbekistan
ORCID 0000-0002-1030-2200

AMERICAN NATION-BUILDING PROJECT IN AFGHANISTAN: REASONS FOR STRATEGIC FAILURE

This article explores the factors that led to the failure of the American state-building strategy in Afghanistan in the period of 2001-2021. The emphasis is on examining the state-building process in its dynamics of transition from initial optimism to the realization of being in a strategic impasse, which appeared in 2007, as well as on the classification of the reasons noted by American, Russian and regional experts, which gave rise to difficulties in implementing Washington's plans to build a «showcase democracy» at the junction of Central and South Asia, and the Middle East. Among them, particular attention is paid to such reasons as the ineffective policy of constructing the legitimacy of the Afghan government, the «fuzzy» concept of state building, the gap between the theoretical idea of Afghanistan and reality in combination with bureaucratic reasons, the use of an «engineering approach» and underestimation of the cultural characteristics of Afghanistan.

Key words: Afghanistan, USA, state building, Taliban, democracy, legitimacy, institutions, corruption, drugs, Pakistan, ethno-tribal mosaic.